

А.А. Линченко, О.В. Головашина

«РУССКИЕ» В ЕВРОПЕ: ПАМЯТЬ О ПРОШЛОМ, ИДЕНТИЧНОСТЬ И ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ РУССКОГОВОРЯЩИХ МИГРАНТОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках гранта № 17-78-20149

«Культурная память России в ситуации глобальных миграционных вызовов: конфликты репрезентаций, риски забвения, стратегии трансформации».

Статья посвящена сравнительному анализу особенностей конструирования форм гибридной исторической идентичности и памяти о прошлом в среде русскоговорящих мигрантов в Центральной и Восточной Европе. На основе обработки результатов интервьюирования русскоязычных мигрантов в Польше и Германии были выявлены существенные различия в запросах интеграции представлений о прошлом мигрантов в принимающее общество, способов конструирования гибридной идентичности и трансформации исторического сознания.

Ключевые слова: культурная память; миграционное общество; транснациональные группы; гибридная идентичность; историческое сознание мигрантов.

Как известно, границы культурной памяти не всегда совпадают с границами политических и географических пространств. Это в полной мере относится и к культурной памяти России, границы которой выходят далеко за пределы Российской Федерации и даже постсоветского пространства. Трагический XX в. оказался одним из наиболее значимых для расширения границ культурной памяти России. Речь идет о нескольких волнах русской эмиграции, одной из самых значительных сред которых оказалась эмиграция конца 80-х – начала 90-х гг. Речь идет прежде всего о переселении большого числа русских немцев, евреев, а также этнических русских на территорию Германии. Начиная с 1988 г. в ФРГ из постсоветских стран переехали на постоянное место жительства около 2,5 млн переселенцев немецкого происхождения. Всего в Германии проживает более 4 млн переселенцев из бывшего СССР – это около 4% населения страны. Исследователи сходятся во мнении [1–3], что к настоящему моменту данный миграционный поток существенно сократился. Однако миграционные волны в Центральную Европу в 80–90-е гг. сменились не менее интенсивными миграционными потоками в Восточную Европу в 2000-е гг. Они стали результатом неблагоприятных социально-политических и экономических процессов на постсоветском пространстве и в первую очередь были связаны с Украиной. В этой связи значительные группы русскоговорящих мигрантов появились в Польше. Данные процессы, а также общий рост эмиграции с постсоветского пространства на территорию Европы в течение последних трех десятилетий способствовали формированию особого русскоязычного культурного пространства. В этой связи было бы неверным просто оставить без внимания данную культурную среду, поскольку она не только является частью русскоговорящего зарубежья, но и выступает в качестве одного из факторов трансформации культурной памяти России. В современных исследованиях неоднократно отмечался тот факт, что, несмотря на внешне успешную экономическую интеграцию, овладение языком принимающей страны, мигранты сохраняли свою культурную память, что на

практике приводило к появлению различных форм гибридной идентичности. Характеризуя подобную гибридную идентичность мигрантов в ФРГ, Ольга Курилло, отмечает, что она есть «сочетание преимущественно немецких и русских элементов. С одной стороны, эта характеристика отличает ее от русской, а с другой – от немецкой культуры и определяет ее идентичность. Члены этой смешанной культуры изменяются одновременно в двух разных культурных мирах» [1. С. 65]. Несмотря на критику данного понятия в современной литературе, оно, вне всяких сомнений, маркирует особое измерение интеграции мигранта в принимающее общество. Это измерение можно было бы назвать интеграцией прошлого мигранта.

Прошрое оказывается одновременно и источником, и препятствием для интеграции. В материальной жизни мигранта Родина, надо сказать, никакой роли не играет, а она «присутствует» лишь в его социальных и культурных контактах. Данный факт уже был отмечен в литературе. Так, в многолетнем исследовании В.Д. Попкова, проведенном при поддержке Фонда Гумбольдта, было выявлено, что «для русскоязычных групп определяющей характеристикой является не этничность и не гражданство, а культурные практики» [2. С. 15–16]. Подчеркивается, что одной из характеристик, позволяющих провести водораздел между немцами «старой» ФРГ и «новыми немцами» (включая бывших жителей ГДР и русских немцев), является культурная память, границы которой оказывают влияние на границы идентичности. Несмотря на то что «Родина» для мигранта находится в «прошлом», она оказывает свое мощное влияние на его будущее. Ибо для русскоязычных мигрантов, особенно для мигрантов «среднего поколения», прошлое является таким ориентиром и такой целью, которую они стремятся достигнуть в будущем. Речь здесь идет об утраченных или же оставшихся в прошлом социальных позициях, социальном влиянии и социальных функциях мигрантов, которые в «новом» обществе оказались невостребованными. Парадокс, но для мигранта прошлое может стать его будущим. Прошрое мигранта, в отличие от прошлого не-мигранта, лежит

в совершенно другой культурной и языковой среде. Оно включает в себя врезавшийся в память момент «разрыва», т.е. момент эмиграции, который символизирует радикальный жизненный «поворот», поделивший жизнь на две части – до и после миграции. Радикальность этого «поворота» проявляется в том, что он определяет «настоящее существование» человека на протяжении всех последующих десятилетий. Все миграционные и интеграционные трудности имеют свое начало и свои причины именно в этом – поворотном – моменте, без которого эти трудности никогда не возникли бы. Без миграции человек имел бы любые другие, но только не миграционные / интеграционные трудности.

Интеграционные трудности затрагивают мигрантов в различной степени, ибо они определяются прежде всего возрастными особенностями. Однако возраст и образование – важные, но отнюдь не единственные факторы, оказывающие влияние на процесс интеграции прошлого мигранта в культурную память принимающего общества. В ранее упомянутом исследовании В.Д. Попкова была обоснована точка зрения, что среда русских немцев является случаем особой «транснациональной идентичности», имеющей плавающие границы, выстраивающиеся ситуативно имеющемуся социальному контексту. Не менее интересны в этой связи выводы М. Савоскул, которая смогла проследить интенсивность использования внутренних структур русскоязычного сообщества (русские землячества, исторические общества, театры, клубы, газеты, интернет-сайты, магазины) различными группами российских немцев, в зависимости от типа этнической идентификации. Для тех русских немцев, которые прошли успешную интеграцию, данные структуры оказываются факторами поддержки. Однако для слабоинтегрированных лиц они «тормозят вхождение поздних переселенцев в жизнь немецкого общества. Не ослабляют, а только усиливают кризис самоидентичности» [3. С. 217]. Казалось бы, результаты исследований дают исчерпывающий ответ, указывающий на роль самой среды в конструировании идентичности мигранта, особенностей его памяти и исторического сознания.

Заметим, что данные выводы только открывают пространство для дальнейших исследований. Первый вопрос, который возникает в этой связи, – это специфика и различие самой социокультурной и политической среды принимающего общества. Насколько сходными будут процессы конструирования гибридной идентичности мигранта и его памяти о прошлом в социокультурных пространствах, по-разному выстраивающих свою историческую политику и акцентирующих внимание на специфических ценностях исторической культуры? Именно этот вопрос и является предметом рассмотрения данной статьи, подготовленной на основе двух проведенных социологических исследований. В исследованиях использовались качественные методы получения информации. Нами применялся метод структурированного интервью, который предполагает, что рассказчику задается серия вопросов в рамках нескольких тематических блоков: мотивы переезда, характер, содержание и направлен-

ность воспоминаний о стране исхода, отношение к истории страны исхода и к истории принимающего общества. Тем не менее в рамках данных блоков мы формулировали открытые вопросы и стимулировали рассказчиков к открытому обсуждению. Рассказчики также могли возвращаться в интервью к тем вопросам, которые были им наиболее интересны, даже если они уже обсуждались. Все интервью проводились на русском языке.

Всего нами было собрано и обработано 58 интервью. Осенью 2017 г. в городах Варшава, Краков, Познань нами было собрано 20 структурированных интервью с представителями русскоязычного сообщества в Польше – выходцами из Восточной Украины, Белоруссии и России. Среди информантов, проживающих в Польше, 13 мужчин и 7 женщин. 10 интервью были даны русскоговорящими студентами, обучающимися в польских высших учебных заведениях (возрастная группа – 18–25 лет). Оставшиеся интервью были даны представителями возрастной группы (25–50 лет). Заметим, что на момент интервью 8 из 10 студентов совмещали учебу с работой, а в старшей возрастной группе только двое находились в поиске работы. Весной 2018 г. в Германии, в городах Бохум, Зиген, Дортмунд, Штутгарт и Вайблинген нами было собрано 38 структурированных интервью. Все интервью были проведены в группе русских немцев. Из них 8 интервью были собраны в возрастной группе 18–30 лет, 15 – в возрастной группе 30–50 лет и 15 – в возрастной группе 50–70 лет. 16 интервью были даны мужчинами, а 22 интервью – женщинами. Отбор информантов производился методом «снежного кома», но при использовании квотной выборки, в которой учитывались половозрастные характеристики и сроки пребывания в Германии и Польше (не менее трех лет).

Теоретические рамки работы связаны с переосмыслением некоторых идей Г. Зиммеля в рамках «поворота к мобильностям», который провозгласил Дж. Урри [4]. Несмотря на наличие множества интеграционных программ, мигрант для принимающего сообщества оказывается в роли «чужака», каким его описывал Г. Зиммель. Он живет вместе с принимающим сообществом, но не является его частью, оказываясь в условиях специфического взаимодействия [5]. Таким образом, индивид является частью группы в пространственном отношении, но не в социальном. В этой связи возрастают роль и значение культурных практик страны исхода как одного из важнейших духовных ориентиров человека в принимающем обществе. Эта ситуация во многом согласуется с идеями Р. Брубейкера, который предлагает отделить этничность от самих групп и от культурных практик данных групп [6]. Именно поэтому современные исследователи миграционных процессов заговорили о «русскоязычности» и «трансгосударственном русскоязычном пространстве». «Русскоязычность» понимается как «абсолютно новый социальный феномен, который возник после распада СССР и относится ко всем гражданам бывшего Советского Союза как к индивидам, имеющим единый культурный базис и, что особенно важно, единую культурную память (по Ассману)» [2. С. 152]. В таком случае этническая

принадлежность может отходить на второй план, а основополагающую роль в конструировании идентичности мигранта могут играть культурные практики советского периода, не только сохраняемые старшими поколениями, но и в своеобразной форме передаваемые молодежи. Данный феномен также можно было бы сопоставить с явлением «культурного гражданства» в трактовке Р. Розалдо [7]. И действительно, с одной стороны, общее прошлое создает особые условия для формирования единого «трансгосударственного русскоязычного пространства» как особой коммуникативной реальности, включающей в себя «фразные (в смысле декларируемой) этничности, группы мигрантов и покрывающей несколько государств» [2. С. 143]. С другой стороны, представители русскоязычных сообществ оказались в условиях взаимодействия с различными социокультурными и политическими процессами. Речь в первую очередь идет об исторических политиках и их существенном различии в Центральной и Восточной Европе. В этой связи изучение особенностей идентичности и памяти о прошлом в русскоязычных сообществах в Польше и Германии, демонстрирующих существенные различия в исторической политике, представляется особенно интересным.

«Восточная политика» Польши в целом определяется историческими стереотипами [8], а поэтический образ прошлого и сложившийся нарратив ценится выше, чем исторические факты [9]. История в этих условиях оказывается не рассказом о событиях прошлого, а одним из акторов политических, социально-экономических процессов. Замеченный польскими исследователями «реванш памяти» превратил социалистический период в новое поле для идеологических и политических битв, однако сейчас идеологические сражения времен холодной войны сменились соответствующей актуальной политической ситуацией конкуренцией исторических нарративов, конфликтогенный потенциал которых должен нивелироваться демократическим дискурсом. За основными темами, которые обсуждают современные историки Польши (сопротивление социалистическому режиму (советским оккупантам), стремление к объединению страны и т.д.), скрывается актуализация основного рефрена польской национальной истории – национальной жертвенности и солидарности поляков. Критичность, характерная для некоторых исследователей [10], скептически воспринимается польским академическим сообществом, а некоторые темы вообще оказываются табуированными [11]. Исторический нарратив, таким образом, оказывается источником не знаний о прошлом, а воспитания патриотических чувств при помощи темпоральных, аксиологических форм переживаний польской национальной истории. Сам дискурс о прошлом в Польше носит прежде всего религиозно-национальный характер. В основе идеологии жертвенности польского исторического нарратива лежат перманентное переживание и постоянная актуализация национальных трагедий. Украинский национализм, характерный для наций, интенсивно формирующих свою идентичность, конфликтует с польским историческим нарративом (который после прихода к власти партии «Право и справедливость» тоже все

более напоминает националистический); и если польско-российский диалог (как разговор с империей) уже накопил определенный, пусть и не всегда успешный опыт, то модели диалога двух национализмов нет. Интерпретация прошлого оказывается социальной практикой, определяющей модели поведения и действий людей. Таким образом, взаимоотношения Польши и прибывающих мигрантов с Украины, России, Белоруссии осложняются не историческими конфликтами, а конкуренцией исторических нарративов, цели которых определяются формированием национальной идентичности, необходимостью сплочения нации, существующими моделями исторического повествования, актуальной политической повесткой.

В отличие от исторической политики в Польше, историческая политика в Германии представляется более гармоничной. Как известно, начиная с 60-х гг. XX в. ее основным лейтмотивом является тема «преодоления прошлого», предполагавшая демократизацию общественного дискурса об истории, формирование исторического сознания на принципах гражданского общества. В практике школьного воспитания это нашло выражение в особой научной дисциплине – «дидактике истории», главной целью которой было формирование многогранного исторического сознания учащихся школ и высших учебных заведений. Общей тенденцией в таком случае оказывались практика преодоления этноцентризма, а также антиколониалистский дискурс в оценках самой Германии, а также других государств. Более того, начиная с 60-х гг. Западная Германия активно стала принимать европейских (а позже и ближневосточных) мигрантов, что существенно изменило к настоящему моменту саму демографическую структуру немецкого общества. В таких условиях «польский вариант» исторического нарратива оказывался просто невозможен, что и привело к дальнейшему развитию плюралистических интерпретаций истории. Как видно, особенности исторической политики в Польше и Германии опираются на различные ценностные системы, что не может не оказывать влияния на характер идентичности и память о прошлом в среде мигрантов. Каковы же эти различия?

При анализе всех интервью, собранных в Польше, независимо от демографических данных респондентов или страны их пребывания, обращает на себя внимание то, что момент переезда, эмиграции представляется мигрантами как ключевое событие (в терминологии Г. Зиммеля) в их биографии. Безусловно, необходимо учитывать ситуацию интервью, положение мигранта и интервьюера-соотечественника, что определенным образом задает рамки образов, которые представляет мигрант. Однако в любом случае переезд представляет собой то самое событие, которое определяет новый вектор, новое направление жизни. Второй важной темой оказывается интеграция в принимающей стране, которая разворачивается как тема поиска своей идентичности в контексте жизненных практик, через преодоление себя и трансформацию собственного Я, решение возникающих в процессе контактов с принимающим сообществом проблем и т.д. Третьей такой темой, которая занимает большое место в автобиографическом нарративе, оказывается

место прошлого, ностальгия: «Я килограммов 15 ностальгии храню в подвале. Чего в этом мешке только нету, и ведь рука не поднимается выкинуть» (жен., 34 года, Польша).

Полученное польское гражданство позволяет жить и работать в любой стране Евросоюза. Было выявлено, что для русскоговорящих мигрантов в Польше интеграция является только одной из задач, а не целью, определяющей всю жизнь. Люди не готовы стать поляками, немцами; как правило, они ценят культурный опыт, который дала им страна исхода, могут определять себя как русских / украинцев / белорусов, но собственная этническая принадлежность не занимает места в их самоописании, однако может актуализироваться в ситуации вызова: «Очень часто и самому хочется все послать на... спаковать чемодан и свалить, но когда подумаешь о том, что в спину скажут: ну и вали, русек... остаешься... Остаешься, чтобы дальше портить кровь недоброжелателям и защищать Родину. Иногда ее и словом можно защитить, не обязательно иметь автомат...» (муж., 34 года, Польша). Таким образом, анализируя проблему интеграции мигрантов в принимающем сообществе, важно понимать, что необходимо говорить, с одной стороны, о проблемах, вызванных невозможностью интеграции в стране пребывания, с другой – о нежелании этой интеграции. Мигрант может рассматривать место пребывания как временное, необходимое для того, чтобы получить образование, гражданство (особенно характерно для украинских мигрантов в Польше), подождать смену режима на родине (для некоторых мигрантов из Белоруссии). Польша вообще рассматривается примерно 40% исследуемых респондентов как плацдарм для того, чтобы потом переехать в более богатую страну. Любопытно, что подобные настроения были выявлены только в 3 из 38 интервью, собранных в Германии.

Большинство опрошенных как в Польше, так и в Германии, вне зависимости от времени нахождения в принимающей стране, продолжают определять себя как русские (украинцы, белорусы). Это во многом является отражением реакции принимающего сообщества на выходцев из всех стран бывшего Советского Союза как на русских (хотя в Польше в последние годы в связи с резким наплывом украинцев оно меняется – теперь почти все мигранты, обладающие так называемым восточным акцентом принимаются за украинцев). Многие в интервью начинают определять себя как «человека между двух миров», «маргинала», практически повторяя, таким образом, дискурс Г. Зиммеля. «Ну сейчас мне как-то комфортно, когда я нахожусь в России. Еду на пару дней, а бывает и на три недели... Когда ты долго там живешь, то уже понимаешь, что тебя какие-то вещи начинают раздражать. Не знаю. Дороги или что-то еще. Какие-нибудь бюджетные инстанции и бардак. ...И мне как-то комфортнее как-то находиться между двух миров. Хотя какое-то время я прямо мечтала уехать. Думала, дочка вырастет, я ее замуж выдам. Мне будет лет сорок. Почему бы нет. Могу еще переехать. Сейчас я, наверное, уже бы не хотела. Но если бы мне сказали, что я там не смогу бывать, то меня это тоже бы не устроило» (жен., 35 лет, Германия).

При отсутствии работающих моделей диалога различных групп памяти мигранты сами находят и / или создают модели взаимодействия в зависимости от личной интерпретации полученной на родине исторической информации, опыта жизни в Польше, социального окружения и т.д. Довольно многочисленные общественные организации, помогающие украинцам в Польше, решают экономические, социальные вопросы, но какая-либо трактовка исторических событий остается личным делом мигрантов. Незнакомые с многочисленными томами исследователей *memory studies* мигранты сами осознают социальную роль прошлого, динамику образов исторических событий, роль культурной памяти в кризисе идентичности. В этой связи нами были выявлены четыре наиболее типичные стратегии выбора мигрантом отношения к истории страны исхода и принимающей страны.

Стратегия, которой в целом придерживалась большая часть опрошенных мигрантов в Польше, – это отказ от конкуренции. В основном ее выбирают молодые люди, которые прожили в Польше или Германии несколько лет. Такие серьезные различия в цифрах среди мигрантов, проживающих в Польше, вызваны различным отношением к прошлому в принимающем сообществе исследуемых стран. Если немецкий исторический нарратив предполагает признание своих ошибок и толерантность к другим представлениям, то в Польше история до сих пор являет собой поэтический и глубоко эмоциональный образ, отношения к событиям которого оказываются индикатором отношения к польской нации вообще. Приезжая, мигранты не отказываются от своего исторического нарратива, но и не готовы принять новый, поэтому они или 1) пытаются снизить значение прошлого в современной жизни, или 2) отрицают личную связь с конфликтными событиями прошлого. Представители первого направления говорят, что трагические исторические события (прежде всего, «Волынская резня» или Великая Отечественная война) были давно, а сейчас другое время и не стоит обращать внимание на прошлое («Пора жить сегодняшним днем... смотреть вперед, а не назад...» (муж., 26 лет, Польша); «Это история... там есть много плохого, но есть и много хорошего... пора уже дать покой этим бесконечным раздорам...» (жен., 37 лет, Польша). Данная стратегия может выражаться в признании равнозначности трактовок и возможности их сосуществования. История в представлениях информантов оказывается собственностью государства, трактуется как часть государственной идеологии: «Пусть здесь снимают такие фильмы, какие им больше нравится. А мы улицы называем, как нам нравится» (муж., 41 год, Польша); «В Варшаве на улицах говорят одно, в Львове – другое. Это нормально» (жен., 37 лет, Польша); «У немцев своя правда – у нас своя» (муж., 27 лет, Германия). Информанты в этом случае избегают давать какие-либо оценки исторических событий или героев – они подчеркивают, что государство (Украина, Польша) имеет право на ту историю, которая им больше нравится, потому что никто не знает, как было на самом деле.

Представители второго направления отрицают личную связь с трагическими событиями прошлого: «Ни я, ни мои родственники в этом (“Волинская резня”) не участвовали» (жен, 29 лет, Польша); «Я вообще из другого города. Это за тысячу километров от меня. Мой прадед на фронте не был, у него бронь» (муж., 23 года, Польша). Подобная позиция позволяет мигрантам объяснить себе, что фильм «Волинь» – не про них, а про каких-то других людей, которые не имеют к ним никакого отношения. Причем другая семейная история не дискредитирует эту стратегию: выходец из Украины, польские родственники которого пострадали при Волини, сказал, что им уже не поможет, если он сейчас будет как-то особенно относиться к этому событию. Такая стратегия позволяет сохранить личную дистанцию за счет отрицания значимости прошлого.

Главная цель отказа от конкуренции исторических нарративов со стороны мигрантов – это желание уменьшить возможность возникновения конфликтных ситуаций в стране пребывания. Необходимость найти хорошую работу, общение с чиновниками представляются мигрантам более серьезными проблемами, чем события прошлого. Эта позиция связана с опытом знакомства информантов с историей. Даже самые молодые из опрашиваемых мигрантов сталкивались на родине с непредсказуемостью прошлого своей страны. Если нарратив школьных учебников сохраняет определенную целостность на протяжении последнего десятилетия, то информация, поступающая через СМИ, постоянно предлагает другие, часто противоположные предыдущим трактовки. Прошлое теряет в представлениях мигрантов свой онтологический статус, оказываясь по значимости на уровне художественного произведения, потому что «никто не знает, как было на самом деле» (довольно распространенная фраза среди русскоязычных мигрантов): «Даже если я изучу все факты, источники, разработаю свою точку зрения, все равно потом придет другой человек, который тоже все изучил, но у него будет другая точка зрения» (жен., 21 год, Польша). В разговорах про историю мигранты постоянно переходили к обсуждению актуальных политических вопросов, как правило, не разделяя исторические и политические темы. Таким образом, мигранты настроены на формирование определенной гибридной идентичности, в которой культурная память страны исхода сочетается с актуальной культурной реальностью и прежде всего с исторической политикой страны пребывания.

Вместе с тем длительная последовательная реализация этой стратегии при интеграции в принимающее сообщество невозможна. Это связано с тем, что принимающее сообщество, как правило, имеет сложившееся (в отличие от большинства мигрантов) отношение к истории, и, интернируясь, мигрант оказывается перед выбором. Украинская информантка из Польши рассказывала, как в автобусе, где она разговаривала на русском языке со своей подругой из Молдавии, один из пассажиров встал и начал, с использованием ненормативной лексики, называть их бандеровцами и советовал не только выйти из автобуса, но и вернуться к себе домой. Остальные пассажиры не проявили

инициативы. Информантка, описывая этот эпизод, была согласна с трактовкой образа Бандеры, озвученной поляком, однако считала, что это не может иметь к ней отношение, так как она лично и ее родственники с ним не общались. Принятие (частично или полностью) исторического нарратива принимающего сообщества является еще одной стратегией, которую выбирают русскоязычные мигранты. Некоторые мигранты (24% проживающих в Польше) соглашались с историческим нарративом принимающего сообщества. Как правило, об этом говорится в дискурсе осознания: «Я только здесь понял, какими мы были свиньями» (муж., 38 лет, Польша); «Теперь я смотрю на нашу историю по-другому» (жен., 22 года, Польша). Все мигранты, участвующие в интервью, стремились оправдать принятие исторического нарратива: ссылались на свое гуманитарное образование, позволяющие им делать объективные, как они говорят, выводы (независимо от того, в какой стране это образование было получено), на образование мужа / друга-поляка (немца), реже – на самостоятельное исследование источников. Отказываясь от того, чтобы обращать внимание на возможные конфликты с принимающим сообществом, мигранты подчеркивали те общие черты, которые, на их взгляд, объединяют их с принимающим сообществом, при этом исторические эпизоды, в которых, например, польская сторона проявила себя не лучшим образом (например, «умиротворение» в Галиции), не комментируются или объявляются результатом советской пропаганды. Эта точка зрения позволяет мигрантам констатировать свою интеграцию в принимающее сообщество, однако избежать резкой критики своей родины. В крайних случаях (наше исследование зафиксировало их только в Польше) имеет место изменение собственной семейной истории, в которой дед, существовавший в сознании как участник Великой Отечественной войны (т.е. часть советского героического пантеона), интерпретируется как преступник.

В современных учебниках отношения Польши и России ограничиваются информацией о Речи Посполитой и некоторыми эпизодами Смутного времени. Приехав в Польшу, мигранты соглашались с польской трактовкой событий 1939 г. и начинают говорить о советской послевоенной оккупации, так как других источников информации, кроме польских, у них нет.

Еще одной стратегией является выбор исторического нарратива, характерного для страны исхода. В Польше эта стратегия довольно характерна для выходцев из Республики Беларусь. «Роль нашей Родины, Советского Союза в спасении всего польского народа от тотального и бесповоротного физического уничтожения, вообще, не подлежит никакой дискуссии» (муж., 47 лет, Польша). Среди белорусов в Польше (в отличие от украинцев и россиян) много тех, кто имеет статус политических беженцев. Польшу они воспринимают как страну временного места жительства (как и украинцы, выбирающие родной исторический нарратив) и ориентированы не на интеграцию, а на более-менее комфортное пребывание в стране. Их круг общения составляют в основном соотечественники, и информационное пространство представлено русско-

или белорусскоязычными пабликами в социальных сетях. Даже репатрианты из Беларуси после получения польского гражданства не собираются связывать свою жизнь с этой страной, а воспринимают ее как возможность для передвижения дальше в Европу, а большинство из политических мигрантов готовы вернуться на родину в случае изменения там политической ситуации. Нельзя не обратить внимания и на то, что конфликты в белорусско-польском нарративе не акцентируются в современном политическом пространстве Польши и вряд ли в польско-белорусской истории можно найти что-то похожее на Вольну, учитывая, что это событие не только актуализируется современной исторической политикой памяти в Польше, но и сохранилось в семейной памяти многих поляков. Неудивительно, что сами информанты советуют при слабом знании польского языка (при наличии так называемого восточного акцента) представляться белорусом.

Иная картина складывается при обращении к интервью, собранным в Германии. С одной стороны, как и в Польше, респонденты продемонстрировали огромную важность темы переезда, указав на то, что после него у них началась новая жизнь. Не менее значимыми оказались темы интеграции и ностальгии. Однако, с другой стороны, особенности исторической политики в современной Германии не отличаются враждебностью к другим культурам памяти и интерпретациям истории. Более того, опрошенная группа русских немцев получила всю возможную социально-экономическую поддержку и гражданство после переезда в Германию. Эти обстоятельства стали причиной того, что выявленную при анализе польских интервью типологию способов отношения мигранта к историческому нарративу принимающей страны мы не смогли обнаружить в рамках эмпирического исследования. Русскоговорящие переселенцы в Германии вообще не призваны делать какой-либо выбор в пользу одной интерпретации истории, просто потому что этой единой интерпретации истории, как и единого учебника истории в Германии, просто нет. Каждая федеральная земля определяет свой круг вопросов изучения истории и использует свой земельный учебник истории. В этой связи у русскоговорящих мигрантов нет потребности к трансформации семейной памяти и выбору жесткой линии интерпретации истории страны исхода. Данное обстоятельство, а также проведенные интервью в трех поколениях русских немцев позволяют нам более подробно обратиться к результатам интервьюирования.

Говоря о представителях молодежной группы (18–30 лет, 8 интервью), следует отметить, что несмотря на то, что большинство респондентов переехали в Германию в детстве, общими мотивами для эмиграции признаются тяжелое экономическое положение и отсутствие перспектив для развития на Украине, в Казахстане и в Киргизии. Респонденты указывают на то, что они, как правило, не участвовали в принятии решения. Вопросы о наличии семейных воспоминаний и частоте воспоминаний о стране исхода не выявили обширных знаний семейного прошлого и его роли в истории страны исхода. Сами респонденты в

большинстве случаев объясняют это своим возрастом. Вместе с тем большинство рассказчиков однозначно отмечают тот факт, что их жизнь получила принципиально новый характер после переезда, а также включают переезд в число самых ярких событий своей жизни. Так, одна из респондентов, повествуя о своих связях со страной исхода, отмечает: «До 2016 года я думала практически каждый день о том, как там было, чтобы я там могла иметь. А после 2016 года я поняла, что это бессмысленно... новая жизнь началась когда ты понял то, что дороги назад нельзя, ну нет ее просто. Что прошлое вернуть нельзя и тогда начинается новая жизнь» (жен., 22 года, Германия).

Отсутствие обширных знаний о семейной истории контрастировало с хорошими знаниями имен прабабушек и прадедушек, о чем заявили все рассказчики. Вместе с тем половина респондентов вспомнить имена друзей и коллег в стране исхода не смогли, объясняя это отсутствием общих интересов. Респонденты также не продемонстрировали какого-либо критического отношения к странам исхода (Казахстан, Россия, Украина, Киргизия), а проявили нейтралитет в оценке их прошлого. Более того, отвечая на вопрос о наиболее интересной исторической эпохе, 6 из 8 рассказчиков указали на СССР 60–80-х гг., что, по-видимому, связано с наличием семейных воспоминаний и определенной ностальгией старшего поколения. Не менее интересна ситуация с материальной стороной культурной памяти молодых русских немцев. Несмотря на то что в процессе интервьюирования не удалось выявить обширных знаний семейной истории, практически все респонденты указали на наличие фотографий об их жизни в стране исхода и семейных реликвиях. При этом ответы на вопрос о праздниках, которые отмечают респонденты, не получили такой однозначной оценки. Было выявлено, что респонденты имеют представление о российских и советских праздниках, но в большинстве не празднуют их в силу наличия большого числа немецких друзей и коллег, индифферентных к данным практикам культурной памяти России. В некоторых случаях было выявлено стремление комбинировать данные праздники, и в частности, сочетать православные праздники с праздниками католическими и протестантскими.

Несколько иной воспринимается ситуация с ролью памяти о прошлом и истории в ответах поколения русских немцев в возрастной группе 30–50 лет (15 интервью). В данном случае также доминирует экономическая мотивация. Большинство респондентов указали в интервью именно на экономические трудности конца 80-х – начала 90-х гг. Вместе с тем не менее важным для респондентов оказались и этнические причины – стремление уехать на «Родину предков» или воссоединение с уехавшими родственниками. Достаточно ожидаемым явилось наличие тесной связи семейных воспоминаний и исторических событий. Так, в шести из тринадцати интервью события семейной истории напрямую связывались с распадом СССР, появлением СНГ и политическими событиями в России в начале 90-х гг. Значительное количество рассказчиков в этой группе достаточно часто вспоминают страну исхода, что представляется

объяснимым в силу того, что их молодость прошла в Советском Союзе. Именно детство и юность оказались среди наиболее популярных тем воспоминаний. Еще большее значение, чем в группе молодежи, в данном случае играет память о переезде. Рассказчики не только указывали на факт полной перемены их повседневной и профессиональной жизни после переезда в Германию, но и в 13 из 15 интервью переезд оказался в числе самых ярких событий жизни респондентов.

Как и представители молодого поколения, респонденты данной возрастной группы продемонстрировали высокий уровень осведомленности о некоторых страницах семейной истории. Только в двух интервью не были названы имена прабабушек / прадедушек, причем в качестве причины были названы трагические события 40–50-х гг. XX в., повлиявшие на разрушение межпоколенной памяти. Достаточно хорошим оказался уровень знаний о ближайшем окружении страны исхода. Так, на вопрос об именах друзей и коллег страны исхода две трети респондентов ответили положительно, однако только треть опрошенных указали, что поддерживают отношения.

Достаточно противоречивым оказалось отношение респондентов данной возрастной группы к самой стране исхода. Характерно, что только два интервью продемонстрировали высокий уровень оценки современной ситуации на постсоветском пространстве. Большинство респондентов отметили, что их не интересует современная обстановка в странах бывшего СССР, а в ряде интервью прозвучали критические замечания в адрес действующей политической власти в России, Казахстане и Украине. Вместе с тем абсолютно все респонденты, отвечая на дополнительный вопрос, выделили в качестве позитивных воспоминаний свое детство и юность. Более того, особым предметом ностальгии практически во всех интервью выступила еда. Это соотносится с предшествующими исследованиями, выявившими высокий уровень сохранения практик памяти, связанных с советской и российской кухней [2].

Продолжая разговор о материальной стороне культурной памяти русских немцев, отметим, что поколение в возрасте 30–50 лет продемонстрировало более высокий уровень практик сохранения памяти о стране исхода и жизни до переезда. Так, во всех интервью было выявлено особое отношение к фотографии, семейным реликвиям и советским / российским праздникам. Среди последних наиболее популярными были не только православные праздники, которые имеют свои аналоги в Германии (Рождество, Пасха), но праздники, характерные только для постсоветского пространства (8 марта, 23 февраля, 1 мая, 9 мая). Любопытно, что наши респонденты не только активно отмечают данные праздники но и стремятся познакомиться с ними немецкое окружение. «Здесь 8 марта, это не праздник. Здесь не знают, что такое вообще 8 марта. Ну очень, очень мало кто знает. Я, например, на работе женщин поздравляю с 8 марта. Они сначала на меня так: “Чего? Кого? А что это такое?”. Объясняю: “Сегодня в принципе международный женский день”. Как-то так в разговоре немцам могу сказать» (муж.,

39 лет, Германия). Для некоторых респондентов данные праздники оказываются одним из важнейших источников сохранения символической связи со страной исхода и фактором определения границ их культурной идентичности: «Потому что это относится не только к истории страны, но и к моей жизни, моей истории. Почему бы мне не праздновать здесь 8 марта, почему бы мне не получить от мужа цветы или подарок, почему я должна от такого отказываться (смех). Я мужу сказала в России только самый последний самый последний собутыльник не подарит своей жене подарок, и поэтому мой муж на 8 марта приходит и говорит: “Я что хуже русского алкаша” (жен., 45 лет, Германия). Именно в старших возрастных группах нами был выявлен наиболее высокий уровень переноса традиций и практик культурной памяти страны исхода на принимающее общество. Уровень и интенсивность переноса культурных традиций страны исхода мигрантами на принимающее общество в группе русских немцев оказался напрямую связанным с возрастом наших респондентов, где представители молодежной группы выявили нейтральное отношение к факту знакомства немцев с советскими и постсоветскими праздниками.

Еще более интересными оказались ответы данной возрастной группы на вопросы о наиболее интересной для них исторической эпохе, куда бы они хотели отправиться. В 12 из 13 интервью мы обнаружили в качестве таковой эпохи СССР периода 60-х – начала 80-х гг. В данном случае, исторические интересы оказываются проявлением ностальгического отношения к периоду юности и детства респондентов. Причем в процессе движения от возрастного диапазона 30–40 лет к диапазону 40–50 лет данное ностальгическое отношение усиливается.

Мотивация переезда в возрастной группе 50–70 лет также в первую очередь оказалась связана с тяжелым экономическим положением начала 90-х гг. прошлого века. Однако анализ ответов данного поколения, ставшего инициатором переселения, выявил еще один распространенный ответ – движение вслед за родственниками. Респонденты говорят о волне эмиграции, когда за старшими родственниками, братьями и сестрами уезжало и младшее поколение русских немцев. Разительный контраст можно наблюдать в ответах на вопрос о наличии семейных воспоминаний, связанных с историческими событиями. Достаточно ожидаемым было присутствие в них отсылок к распаду СССР, трагическим событиям коллективизации 30-х гг., а также депортации российских немцев в Среднюю Азию в 40-е гг. XX в. Вместе с тем ни в одном интервью мы не обнаружили диссонанса между негативной оценкой действий советского правительства в 30–40-е гг. и негативной интерпретацией событий распада СССР. Наоборот, респонденты рассматривали распад СССР и экономические трудности начала 90-х гг. как личную трагедию. Так, например, одна из наших рассказчиц, повествуя о нелегкой судьбе ее семьи в 40–50-е гг. в Казахстане, о фактах недоброжелательного отношения сверстников, коллег в школе и руководства деревни, ни разу не упомянула об обидах по отношению к советской власти: «Сестра моя уехала и

потом я в 1991 г. Конечно, я очень хорошие проводы сделала в школе. Всех учителей пригласила и тех, которые на пенсии были. Пригласила человек 40. Они все провожали меня очень хорошо. Только три учителя не пришло. Одна живет теперь в Ленинграде, еще живая – 83. Они не пришли, что, мол, фашисты уезжают. И, помоему, и до сих пор это у них осталось. Эти, кто с войны пришел – они все. Но мы не обижались. У меня мать тоже с таким характером была. Ну немцы есть немцы, что теперь поделаешь» (жен., 69 лет, Германия).

Возраст и личный исторический опыт респондентов стали причиной несколько иной интерпретации частоты воспоминаний о стране исхода. Характерно следующее: половина рассказчиков отметили, что очень часто вспоминают свою жизнь до переезда. Как и у предшествующего поколения, в данном случае мы наблюдаем активизацию воспоминаний в контексте семейных, дружеских контактов, а также сравнение бытовых ситуаций до и после переезда. Именно существенные различия в повседневной жизни были обозначены респондентами в качестве причины утверждать, что жизнь после переезда принципиально изменилась. Достаточно типичными оказались и их рассказы о наиболее ярких и трагических событиях их жизни. Среди них – переезд в Германию, рождение детей, получение высшего образования, смерть родителей. Только в одном интервью респондент указала распад Советского Союза как одно из наиболее важных для нее событий.

Исследование выявило гораздо больший уровень осведомленности данной возрастной группы по вопросу памяти имен близких родственников (прабабушки, прадедушки), а также высокий уровень памяти о друзьях и коллегах в стране исхода. Большинство респондентов заявили, что поддерживают отношения и даже предпринимали визиты в последние 5 лет. Лишь в нескольких интервью прозвучала мысль об отсутствии информации обо всех дальних родственниках в связи с депортацией 40-х гг. и смертью некоторых членов семьи. Противоречивое отношение предшествующих групп к стране исхода в данной возрастной группе сменяется в пользу однозначно положительного. Характеризуя свои воспоминания о стране исхода, рассказчики указывали на однозначно позитивные воспоминания, фокусируясь на фактах личной жизни и юношеском периоде. Лишь в одном случае рассказчик, указавший на то, что старается крайне редко вспоминать советский период жизни, отметил, что его воспоминания о стране исхода очень противоречивы. Существенное отличие данной возрастной группы было выявлено в вопросе ностальгии. Если для представителей предыдущей возрастной группы ностальгические воспоминания были связаны в первую очередь с практиками еды, то респонденты возрастной группы 50–70 лет указали на друзей, пространство малой родины, контакты с современниками. В данном случае отмечались близкие и знакомые люди, ушедшие из жизни и выступающие в качестве эмоционального источника воспоминаний. Ценность советского периода жизни оказалась ярко представленной и в контексте оценок значимости навыков и опыта, полученного до переезда. Рассказчики говори-

ли в основном о немецком языке, образовании и психологических качествах, воспитанных советской системой.

Еще более интересными представляются ответы на вопросы, связанные с анализом материальной стороны культурной памяти русскоязычных мигрантов. Исследование выявило обширный запас фотографий, отсортированных по периодам жизни и по значимости для респондента. Несколько респондентов также отметили, что посвятили особое время созданию семейных альбомов (*das Familienbuch*). В 12 интервью из 15 собранных в данной возрастной группе были упомянуты семейные архивы, состоящие из фотографий, портретов, книг и памятных вещей. Неожиданные результаты были получены в ходе бесед с респондентами по вопросу о наиболее значимых праздниках. Здесь мнения представителей старшей возрастной группы разделились. Для половины респондентов (7 интервью), хранящих особо теплые воспоминания о советском периоде жизни, все основные российские и советские праздники (23 февраля, 8 марта, 9 мая, 7 ноября, Рождество, Пасха) были названы в качестве значимых. Вторая часть респондентов (6 интервью) отметили, что из всех праздников страны исхода они отмечают только православные праздники и 8 марта, которые значимы и в Германии. Один из рассказчиков указал на то, что все эти праздники для него никакого значения не имеют, а еще один рассказчик отметил, что относится к советским и российским праздникам «с юмором» (жен., 51 год, Германия). В отношении исторических знаний и наиболее интересных эпох исследование выявило уход большинства респондентов в семейные практики памяти именно через факты и события семейной жизни. В 13 интервью из 15 было указано, что наиболее привлекательной эпохой, куда бы хотели отправиться наши респонденты, является Советский Союз середины 60-х – середины 80-х гг. прошлого века.

Таким образом, активизация миграционных потоков в конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого века в Центральную Европу, а также увеличение числа мигрантов с постсоветского пространства в Восточную Европу в 2000-е гг. создали особые условия для формирования трансгосударственного русскоязычного пространства. Это существенно расширяет границы культурной памяти России, поскольку большинство русскоязычных мигрантов во многом соотносят свои жизненные ценности и стандарты с культурными практиками бывшего Советского Союза. Вместе с тем представители русскоязычных сообществ оказались в условиях взаимодействия с различными социокультурными средами, порождаемыми в том числе и специфическими для стран Центральной и Восточной Европы политиками памяти. В этой связи предпринятое исследование особенностей идентичности и памяти о прошлом в русскоязычных сообществах в Польше и Германии выявило существенные различия в вопросах интеграции представлений о прошлом мигрантов в принимающее общество, способов конструирования гибридной идентичности и трансформации исторического сознания. На основе собранных интервью было выявлено, что взаимоотношения мигрантов с истори-

ческими нарративами в Польше строятся на более противоречивой и уязвимой основе в силу конфликтогенности самого официального исторического нарратива принимающего общества. Нами были выявлены четыре стратегии взаимоотношения с историческим нарративом польского общества: отказ от конкуренции, отрицание личной связи с трагическими событиями прошлого, выбор исторического нарратива страны исхода, согласие с историческим нарративом принимающего сообщества. Исследование в Германии выявило отсутствие у русскоговорящих мигрантов потребности в трансформации семейной памяти и выборе жесткой линии интерпретации истории принимающего общества. Это обстоятельство стало причиной того, что выявленная при анализе польских интервью типология

способов отношения мигранта к историческому нарративу принимающей страны в среде русских немцев оказалась менее эффективной. Русскоговорящие переселенцы в Германии вообще не призваны делать какой-либо выбор в пользу одной интерпретации истории, в силу того что этой единой интерпретации истории как и единого учебника истории в Германии нет. Принципиальное значение для русскоговорящих мигрантов в данной среде приобретают возрастные особенности, оказывающие влияние на интерпретацию истории страны исхода, фактов и событий семейной памяти, ностальгию, конфигурацию значимых воспоминаний о прошлом, а также особенности переноса традиций и практик культурной памяти страны исхода на принимающее общество.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kurilo O. Russlanddeutsche als kulturelle Hybride // *Zuhause? Fremd?: Migrations- und Beheimatungsstrategien zwischen Deutschland und Eurasien* / Markus Kaiser, Michael Schönhuth (Hg.). Bielefeld : Transcript, 2015. S. 53–72.
2. Попков В.Д. Покидая пределы этничности. Постсоветская эмиграция в Германии. Франкфурт-на-Майне : Полев, 2016. 484 с.
3. Savoskul M. Russlanddeutsche in Deutschland: Integration und Typen der ethnischen Selbstidentifizierung // *Zuhause Fremd: Russlanddeutsche zwischen Russland und Deutschland* / Hrsg. von S. Ipsen-Peitzmeier. Bielefeld : Transcript, 2006. S. 197–221.
4. Урри Дж. Мобильности. М. : Праксис, 2012. 576 с.
5. Зиммель Г. Экскурсы о чужаке // Социологическая теория: история, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб. : Владимир Даль, 2008. С. 7–13.
6. Брунейкер Р. Этничность без групп. М. : Высшая школа экономики, 2012. 408 с.
7. Rosaldo R. Cultural Citizenship and Educational Democracy // *Cultural Anthropology*. 1994. № 9 (3). P. 402–411.
8. Fedorowicz K. Polityka Polski wobec Rosji, Ukrainy i Białorusi w latach 1989–2010. Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza. Poznań, 2011. 344 s.
9. Davies N. *God's Playground: A History of Poland*. New York : Columbia University Press, 1982. 369 p.
10. Lis D. Wokół „złotych żniw”. Debata o książce Jana Tomasza Grossa i Ireny Grudzińskiej-Gross. Kraków : Znak, 2011. 302 s.
11. White H. Practical Past // *Taiwan journal of East Asian Studies*. 2010. Vol. 7, № 1. P. 1–20.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 2 мая 2019 г.

“Russians” in Europe: Memory of the Past, Identity and Historical Consciousness of Russian-Speaking Migrants in Central and Eastern Europe

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 444, 83–92.

DOI: 10.17223/15617793/444/10

Andrey A. Linchenko, Lipetsk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Lipetsk, Russian Federation). E-mail: AALinchenko@fa.ru

Oksana V. Golovashina, Tambov State University (Tambov, Russian Federation). E-mail: ovgolovashina@mail.ru

Keywords: cultural memory; migratory society; transnational groups; hybrid identity; historical consciousness of migrants.

The article is devoted to a comparative analysis of the features of construction of the forms of a hybrid historical identity and memory of the past among Russian-speaking migrants in Central and Eastern Europe. It justifies the idea that the formation of the trans-state Russian-speaking space expands the boundaries of the cultural memory of Russia. Despite the fact of the important role of the life values and cultural standards of the former Soviet Union for the majority of Russian-speaking migrants, representatives of Russian-speaking communities found themselves in interaction with various sociocultural environments generated by specific politics of memory. Based on the processing of the results of interviewing Russian-speaking migrants in Poland and Germany, significant differences were revealed in the integration of ideas about migrants' past into the host society, ways of constructing a hybrid identity and transformation of historical consciousness. The relations of migrants with historical narratives in Poland are built on a more controversial and vulnerable basis due to the conflict potential of the very official historical narrative of the host society. Four strategies have been identified for dealing with the historical narrative of the Polish society: rejection of competition, denial of a personal connection with the tragic events of the past, selection of the historical narrative of the country of origin, agreement with the historical narrative of the host community. A study in Germany revealed the lack of need for Russian-speaking migrants to transform family memory and to choose a hard line of interpretation of the history of the host society. Russian immigrants in Germany are not at all called upon to make any choice in favor of a single interpretation of history due to the absence in Germany of a single interpretation of history. It is substantiated that age-related features that influence the interpretation of the history of the country of origin, facts and events of family memory, nostalgia, the configuration of significant memories of the past, features of the transfer of traditions and practices of the cultural memory of the country of origin to the host society are more important in this community.

REFERENCES

1. Kurilo, O. (2015) Russlanddeutsche als kulturelle Hybride. In: Kaiser, M. & Schönhuth, M. (Hrsgs.) *Zuhause? Fremd?: Migrations- und Beheimatungsstrategien zwischen Deutschland und Eurasien*. Bielefeld: Transcript.
2. Popkov, V.D. (2016) *Pokidaya predely etichnosti. Postsovetskaya emigratsiya v Germanii* [Leaving the limits of ethnicity. Post-Soviet emigration in Germany]. Frankfurt: Posev.

3. Savoskul, M. (2006) Russlanddeutsche in Deutschland: Integration und Typen der ethnischen Selbstidentifizierung. In: Ipsen-Peitzmeier, S. (Hrsg.) *Zuhause Fremd: Russlanddeutsche zwischen Russland und Deutschland*. Bielefeld: Transcript.
4. Urry, J. (2012) *Mobil'nosti* [Mobilities]. Translated from English. Moscow: Praxis.
5. Simmel, G. (2008) Ekskurs o chuzhake [The Stranger]. Translated from German. In: Filippov, A.F. (ed.) *Sotsiologicheskaya teoriya: istoriya, sovremennost', perspektivy* [Sociological Theory: Past, Present, Perspectives]. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
6. Brubaker, R. (2012) *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity without groups]. Translated from English. Moscow: Higher School of Economics.
7. Rosaldo, R. (1994) Cultural Citizenship and Educational Democracy. *Cultural Anthropology*. 9 (3). pp. 402–411.
8. Fedorowicz, K. (2011) *Polityka Polski wobec Rosji, Ukrainy i Białorusi w latach 1989–2010*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza.
9. Davies, N. (1982) *God's Playground: A History of Poland*. New York: Columbia University Press.
10. Lis, D. (2011) *Wokół „złotych żniw”*. *Debata o książce Jana Tomasza Grossa i Ireny Grudzińskiej-Gross*. Kraków: Znak.
11. White, H. (2010) The Practical Past. *Taiwan Journal of East Asian Studies*. 7 (1). pp. 1–20.

Received: 02 May 2019